

ми. Сложно и многогранно влияние, оказываемое проявлениями вулканизма на жизнь рыб и птиц, однако, в целом, по мнению автора, оно положительно.

Посвящая свою книгу основным началам новой науки — биовулканологии, изучающей проблемы на стыке вулканологии и биологии, — автор в заключение намечает основные задачи, стоящие перед ней.

Главные достоинства книги — новизна идей и рассматриваемых проблем, их важность для понимания зарождения и развития жизни на Земле, строго научное и в то же время доступное даже для массового читателя изложение. Необходимо отметить прекрасное оформление книги: цветная суперобложка, красочные цветные иллюстрации, хорошая бумага, четкая печать.

Нет сомнения в том, что эту книгу наряду со специалистами — геологами, ботаниками, биохимиками — с интересом и пользой для себя прочтут учителя и студенты, старшие школьники и все те, кто интересуется жизнью нашей планеты.

Б. РОЗЕН.

□ □ □

СПЛАВ МЫСЛИ И ЧУВСТВА

Михаил Асламов по праву принадлежит к числу ведущих поэтов-дальневосточников. Вышедшие в последнее время два его сборника¹ с еще большей очевидностью подтверждают это.

Не скажу, чтобы он слишком торопился издавать свои стихи. На счету иных, отличающихся особой предприимчивостью, его сверстников книжек куда больше. Но велика ли той или иной цена? Прочтешь какую-нибудь «с пылу с жару» появившуюся новинку и сразу видишь, что «поэтический хлеб» в ней не пропечен, что автор не столько стремился дать людям пищу духовную, сколько, так сказать, раньше других собратьев по перу занять удобное местечко среди маститых пассажиров того писательского «трамвая», о котором когда-то писал Евтушенко.

С самого начала своей поэтической работы, с первой, но уже довольно зрелой книжки «Пусть настезь дверь», вышедшей в 1964 году, Михаил Асламов ищет для своих стихов не крикливых деклараций, не претенциозных по тону сантиментов на тему мнимого душевного разлада, не, наконец, экстравагантных, эпатирующих читательское восприятие образов, вроде, скажем, такого, как — «усы у сома, как тесемки у кальсон».

¹ М. Асламов. Взгляд. Стихи. Хабаровск, Кн. изд., 1979; Звездный створ. Стихи. М., «Современник», 1980.

Как лирик и философ по складу своего дарования, он ведет разговор с читателем доверительно, умно и сосредоточенно. Темы такого разговора могут быть самыми разными. Но едино в них главное: уважение к собеседнику, вера в то, что все, о чем хочет сказать автор, важно и нужно им обоим — и ему самому, и читателю. Такой разговор могут вести и случайные попутчики в поезде дальнего следования, и давно знающие и любящие друг друга люди.

Тематический диапазон произведений поэта довольно широк. Но особое место занимает в них тема войны. Мне как-то уже приходилось писать, что у всех без исключения поэтов, родившихся до войны и переживших ее, стихи, посвященные ей, звучат наиболее впечатляюще. Михаил Асламов — не исключение. От стихотворения к стихотворению со все более потрясающей силой показывает он, как великую ношу того лихолетья наравне несли и взрослые, и еще не окрепшие подростки.

«Вставай, сынок», — зовет чуть слышно мать.
«Пора, работник», — слышу глас отцовский.

И в полусне тяну к себе спецовку
И покидаю теплую кровать.

Но как длинна ты, фронтовая смена!
И гнет она, и плакать не велит.
Но плачу я. В том нет моей вины.
Что щи пусты, а сам я — не двужильный!..

Вот так они, мне помнится, и жили,
Твои, Россия, малые сыны.

То, что сыны были действительно малые, подтверждает и другое стихотворение — «Подмости». Завхоз, видя, что парнишка едва дотягивается до зажимов токарного станка, сколотил ему подмости.

Я раньше других уставал,
Был слабым — за то не взыщите.
Но Родине был я защитник,
Когда на подмости вставал.

Так через незначительную, казалось бы, деталь поэт умеет сказать многое о той нелегкой поре. Сказать сжато и выразительно.

Стихи военного цикла — одно лучше другого. Образы лирических героев, условия, в которых они живут и работают, — все изображено верно и зримо. Вот Петька, вернувшийся с фронта без руки и с дергающейся, видимо, от контузии, щекой.

...А бабы вслед ему рыдали,
Когда селом он проходил.
И все казалось: не медали —
Осколки звякали в груди.

Две последние строки — это не просто, как принято говорить, «счастливая находка».

ка», а образ, созданный на грани невозможного.

Вот первые послевоенные танцы. О них написано просто и безыскусно, но и в то же время трогательно до слез.

Были бабы тихи и покорны,
Всю войну отходя в мужиках.
Были платья заметно просторны,
Всю войну отлежав в сундуках.
Но мелодия даль растворила —
Веселей, музыкант, веселей!
Хоть ждала еще тетка Мария
Трех пропавших в дыму сыновей.

Жизнестойкость советского человека, умение радоваться самому и приносить радость другим, даже в годы трудных испытаний, — таков лейтмотив многих стихов Асламова. Вот дедок, сельский умелец, мастерит глиняных дроздов, чтобы растопить их пением заледеневшие души эвакуированных. Вот вернувшийся с фронта инвалид нарвал за селом букет черемухи и словно бы и сам преобразился, и преобразил очередь, которая у ларька угрюмо ждала хлеба.

Смотрели дети, вдовы, старики —
Так удивленно, словно бы впервые
За всю войну

ликующе живые

Черемуха роняла лепестки.

В лирике М. Асламова о военном времени нет ничего лишнего, ничего надуманного. Все — правда, все весомо и убедительно.

Но хочу сказать и вот о чем. В последнее время то там, то сям нет-нет да и услышишь трудные для понимания, недоуменно-вопрошающие фразы: сколько же, дескать, можно писать о войне? Не пора ли обратиться к мирной жизни, к современности?... Что ж, недомыслие есть недомыслие. И все-таки оно настораживает. И хочется на вопрос ответить вопросом: а разве борьба за мир — это не современность?! И как можно убеждающе пропагандировать идею мира, не вспоминая о минувшей второй мировой? Нет, надо только приветствовать поэтов, не забывших ужасов военных лет, пишущих о них и вносящих свой посильный вклад в борьбу за мир.

Впрочем, М. Асламов несколько не забывает и о сегодняшнем дне. Он современен в самом благородном смысле этого слова. И тем стихи его разительно отличаются от всевозможных опусов, якобы посвященных герою нашего времени, а на самом деле изображающих жалкое его подобие.

В чем тут дело? За слабые стихи трудно винить начинающих. Они плохо знают жизнь, не овладели в достаточной степени мастерством. Хуже, когда куда не годные стихи выдает «на-гора» человек, уже получивший в какой-то степени признание. Но подзазнался, и, вместо того чтобы

расти дальше, постигать жизнь, наоборот — просто-напросто отгородился от нее, а стихи, как говорят, высасывает из пальца. Вот что о таких горе-поэтах пишет М. Асламов:

И подумалось с обидой
Мне, о грешных нас, кто видит
Жизнь, бывает, из окна.
С этой «кочечки» обзора.
Перспектива до забора
И в столице, и в селе.

Другой вроде бы и не отгородился. Сегодня мчит на БАМ, завтра на КамАЗ. Благо,строек у нас много. Благо, каждая в центре внимания всей страны, а значит, и печати. Вот и пользуется конъюнктурщик тем, что и газеты, и журналы испытывают постоянный голод на злободневные материалы. Тем более не каждый литератор сумеет откликнуться оперативно на то или иное событие в жизни страны. Ему надо и людей изучить, и обстановку, в которой они работают. Ему надо осмыслить увиденное, найти те художественные средства, с помощью которых можно было бы наиболее ярко отобразить жизнь.

У конъюнктурщика на уме другое. Ему бы лишь на актуальной теме «руки погреть». Приедет на какую-нибудь стройку, пройдетя гоголем по объекту и, как писал в свое время Твардовский,

Глядишь, роман, и все в порядке:
Показан метод новой кладки.
Отстальный зам, растущий пред
И в коммунизм идущий дед.

И все похоже, все подобно
Тому, что есть или может быть,
А в целом — вот как несъедобно,
Что в голос хочется завывать.

Михаил Асламов, в силу обстоятельств так рано оказавшийся в гуще нелегкой рабочей жизни, уважает и сам труд, и тех, кто к нему имеет непосредственное отношение. И воспевает их в своих стихах, пожалуй, сильнее и достоверней, чем кто-то другой из его собратьев по перу.

В самых разных местах дальневосточного края, на разных участках трудятся лирические герои Асламова. Разные у них профессии. Обо всем этом говорят уже названия стихотворений: «Мастер», «Плановик», «В угольном разрезе», «Ремесло», «Сварщик», «Тоскуют руки по металлу», «В рессорном цехе», «Механик», «На стройке» и т. д.

Не один раз Михаил Асламов побывал на Зейской ГЭС, чтобы увиденное и пережитое вылилось наконец в поэму. И в поэму добротную, хотя автор и не определяет ее как жанр поэмы. Впрочем, это не так уж и важно. Непонятно другое: почему-то в разных сборниках эта вещь названа по-разному: то «Зейская тетрадь», то «Звездный створ». Не знаю, что заста-

вило автора изменить название. Лично меня первое больше привлекает — своей ясностью и простотой.

Поэма состоит из отдельных глав, казалось бы, сюжетно и не связанных друг с другом, но в целом довольно убедительно показывающих и широкую картину стройки, и те проблемы, которые с нею связаны.

Правда, поэма вызвала и некоторую критику в свой адрес. В книге «Берег Отечества» С. Крившенко считает, что первая глава слишком напоминает Твардовского. Что ж, доля справедливости в этом есть. Но и Твардовский, и Асламов пишут об одном — о перекрытии реки. Так что некоторой переключки здесь избежать трудно. Это в смысле содержания, а в смысле формы, — по сравнению с Твардовским, первая глава в поэме Асламова и размером написана другим, да и строфика в ней иная. Что же касается остальных глав, в них Асламов предстает перед читателем в своей непосредственной, оригинальной поэтической сути.

С. Крившенко пишет, что «поэма могла бы быть продолжена». Но автор и сам почувствовал это. И вот во втором варианте, по сравнению с первым, мы видим не тринадцать глав, а уже шестнадцать. Обидно только, что в одну из них, в посвящение, вкралась непростительная опечатка. Если верить издательству, посвящена глава некоему Л. Доздову. Но едва ли встретишь такую фамилию на стройке. Видимо, речь все-таки идет о бригадире Леониде Дроздове, имя которого широко известно не только на Зейской ГЭС, но и во всей Амурской области.

О чем бы ни писал Асламов, он всегда раздумчив, всегда философичен. Примеров тому можно приводить сколько угодно. Но я хотел бы обратить внимание на то, что в последнее время в стихах поэта появилась новая тема. Она — не столько о смысле жизни вообще, сколько о смысле поэтического призвания. Что ж, автор действительно вступил в ту пору зрелости, когда самое время подвести какие-то итоги своей работы в литературе, подумать о том, что он сделал для людей как поэт. Потому-то и возникают из-под его пера вот такие строки:

...чего же ты тужишь
На сжатой своей полосе?..
Других был не лучше — не хуже,
И все остальное — как всем.
И, сердцем совсем не жестоки,
Друзья в недоступной дали
Простят все твои экивоки,
Былые проступки твои.
Простят...

Но, как видно, не это
Встревожило сердце твое.
Не суть в том, что «песенка спета».
Запомнят ли люди ее?

М. Асламов — не только философ, но и психолог. Без нажима, без излишней сентиментальности показывает он чувства

человека, его настроение, переход из одного душевного состояния в другое. Вот пример. Лирический герой оказался в порту с плачущей женщиной. Безучастным он остаться не мог и потому попытался вступить в разговор.

«Отойди!» — прокричали сперва
Мне в упор голубые окружья.
И... в плечо мое ткнулась, и тут же
Больно хлынули горлом слова.

Вот и легче — к чему голосить?
И лицо ее все прояснилось.
А нужна была самая малость:
— Что случилось? — однажды

спросить...

На первый взгляд, нет в этом стихотворении ничего особенного. И случай обыденный, и рассказано о нем просто, без особых метафорических изысканий. И все-таки стихотворение трогает за живое — своей задушевностью, умением автора тонко передать смену чувств в душе женщины.

Так же тонок поэт и в описании пейзажа. Нередко он приобретает у него человеческие черты, как бы утверждая тем самым слитность природы и человека. Прием этот не новый. Идет он от устного народного творчества. Пользуются им многие авторы. Но не всегда удачно. Напишет иной поэт, что, дескать, травы, и деревья смотрят на него его же глазами, и считает: с задачей справился. На самом же деле выглядит это слишком прямолинейно. У Асламова иначе. Природу он «очеловечивает» благодаря образам — конкретным и выразительным. Судите сами. Грибы у него

...бредут, ножонки оголив,
Промокшим лесом, нахлобучив шляпки.
Их — хлебом не корми, а дай
пошляться,
Беспечным детям матери-земли.

Ветер в его стихах «тронул провода, как опытный настройщик», залив перекачивает волны, «как бы под кожей желваки», пруд, словно замерзший человек, подернулся гусиной кожей и т. д. Комментировать тут нужды нет. Образы говорят сами за себя.

Возможно, кто-нибудь из читающих эти строки воскликнет: что же это, дескать, такое? Получается не критическая статья, а панегирик какой-то! Ответу воображаемому оппоненту. О творчестве любого литератора надо судить по его лучшим вещам. В них его перспектива, его будущее. В полной мере это относится и к Михаилу Асламову. А в книгах его столько поистине замечательного, что все его творчество заслуживает самого доброго слова. А между тем от иных критиков ему не раз и «на орехи» доставалось. И не всегда заслуженно. К примеру, в одной рецензии его упрекали в том, что грозу он описывает слишком приглушенно. Даже цитаты в подтверждение этого приво-

дили из его стихов. А ведь поэт-то писал не о грозе, а о приближении ее, когда в природе действительно все затихает. Стихотворение так и было названо — «Предгрозье». Неужели критик был настолько слеп, что и заголовка прочесть не смог?

В другой статье и того хуже. Рецензент вменяет в вину поэту то, что он якобы мало пишет о родном дальневосточном крае. Это Асламов-то, в стихах которого Дальний Восток дышит так глубоко и могуче!

Но нечего греха таить, по неопытности неверно оценивал некоторые стихи и я сам. К счастью, это время прошло, и теперь есть возможность вернуть ошибочные слова обратно.

И все-таки есть ли в стихах М. Асламова недостатки? Чтобы ответить на этот вопрос, вспомним письмо Чернышевского к Некрасову. Вот что писал критик великому поэту: «Есть ли у Вас слабые стихотворения? Ну, разумеется, есть. Почему не указать их, если бы пришлось говорить о Вас печатно? Но собственно для Вас это не может иметь интереса, потому что они у Вас — не более, как случайность:

иногда напишется лучше, иногда хуже, как Виардо — иногда поет лучше, иногда хуже, из этого ровно ничего не следует, и она ничего не выигрывает, если ей скажут, что 21 сентября она была хороша в «Норме», а 23 сентября в той же «Норме» была не так хороша — она просто скажет: значит, 23 сентября я была не в голосе, а 21 сентября была в голосе...»

Так как об Асламове я говорю печатно, то могу отметить следующее: иные стихи его излишне описательны, другие излишне усложнены синтаксически, в третьих мысль проглядывает настолько нечетко, словно улица сквозь запотевшее стекло. М. Асламов — не сторонник точной рифмы. Но иногда «перебарщивает», и тогда рифма исчезает вовсе.

Но это редкость. Это случается, когда поэт, говоря словами Виардо, бывает «не в голосе». В целом же, в главном, мы видим перед собой поэта, голосу которого дано широко звучать не только на Дальнем Востоке, но и в других краях и областях России.

И. ЕРЕМИН.